

Алекс Свей

**ХРЕБЕТ-0,
КНИГА 1Я
КОНСПЕКТ
ВЫЖИВАНИЯ**

Алекс Свей

**ХРЕБЕТ-0, КНИГА 1Я
КОНСПЕКТ ВЫЖИВАНИЯ**

«Автор»

2026

Свей А.

**ХРЕБЕТ-0, КНИГА 1Я КОНСПЕКТ ВЫЖИВАНИЯ / А. Свей —
«Автор», 2026**

Мир рухнул, оставив после себя лишь ледяную пасть Хребта Ноль и радиоактивный пепел. Пятнадцатилетняя Ника вместе со своим наставником Угрюмым выживает в заброшенном военном бункере, полагаясь на старые технологии, холодный расчет и жесткую дисциплину. Но когда к их воротам приходит смертельная угроза в лице фанатиков-налетчиков, одиночному убежищу приходится принять бой. Это история о закалке характера, стальных нервах и цене человеческой жизни в мире, где нет места слабине.

© Свей А., 2026

© Автор, 2026

Алекс Свей

ХРЕБЕТ-0, КНИГА 1Я

КОНСПЕКТ ВЫЖИВАНИЯ

Глава 1

Пролог

По узкому, обледенелому карнизу шёл человек.

Он не поднимал взгляда ни наверх, где над острыми скальными пиками ревела аномальная бритвенная метель, ни вниз, где в километровой пропасти клубился ядовитый серо-зелёный туман вымерших низин. Он смотрел исключительно себе под ноги.

Каждый его шаг был рассчитан с точностью до миллиметра. Удар кошки о наст — хруст — проверка опоры — вес тела перенесён. Угрюмый не рисковал. В Горах Ноль risk — это не романтика, это неполный комплект пальцев на руках или замерзший труп, который через пару часов превратится в идеальный навигационный маркер для следующих дураков.

Но больше всего его волновал звук позади.

За его спиной, в трёх метрах на натянутом страховочном репшнуре, тяжело и рвано дышала девчонка.

Она не умела ничего. Не умела правильно ставить стопу на плотный фирн, из-за чего её ноги постоянно соскальзывали. Не умела правильно дышать сквозь шарф, сжигая легкие ледяным воздухом. Её слабый, неподготовленный организм сейчас работал на пределе, на чистом адреналине и каком-то нечеловеческом, почти зверином упрямстве.

Для Угрюмого она была идеальным воплощением пассива: минус сорок процентов к скорости перемещения, двойной расход высококалорийного пайка и постоянный риск сорваться в трещину, утянув за собой всю связку. Обычный балласт.

Но для этого сдохшего, гниющего мира эта тринадцатилетняя девчонка была чуть ли не самым ценным документом.

Человечество проиграло эту войну не пришельцам и не ядерным боеголовкам. Люди сожрали сами себя — своей жадностью, бесконечной грызнёй за ресурсы и тупой, ослепляющей гордыней, пока природа просто не нажала на сброс, перекроив законы физики и выпустив на свободу Аномалию. Старый мир рухнул, оставив после себя только мутантов, бандитов и кучки отчаявшихся выживших в бункерах.

А в чистой, не тронутой мутациями ДНК этой девчонки и в зашифрованном чипе на её шее лежали ключи. Ключи к технологиям очистки почвы, к запечатанным генофондам и к единственному шансу для биологического вида *Homo Sapiens* не стать просто очередной ископаемой костью в скалах Мёртвого Хребта.

Угрюмый остановился. Не поворачивая головы, он дождался, пока натянутый трос ослабнет, и девчонка, тяжело уткнувшись лбом в его рюкзак, пыталась судорожно перевести дыхание.

— Пять минут привала, — буркнул он из-под тёмных ветрозащитных очков, доставая из кармана термометр. Прибор показывал минус двадцать два. Давление падало. — Пьёшь воду из термоса. Только два глотка. Не больше. Если в животе встанет колом — пойдёшь пешком на том свете.

— Я... я могу идти... — выдохнула Ника, вытирая иней с ресниц дрожащей рукой в огромной, не по размеру рукавице.

— Можешь, — холодно отозвался Угрюмый, проверяя узлы на её обвязке. — Потому что если ты ляжешь на этот снег — я тебя не понесу. Я просто отстегну карабин.

Он соврал. И оба они это знали.

ГЛАВА 1. ТОВАР С ОГРАНИЧЕННЫМ СРОКОМ ГОДНОСТИ

Воздух в Нижнем Клине вонял жжёным пластиком, сыростью и гниющим мясом.

Этот город, прилепившийся к подножию Мёртвого Хребта, когда-то был процветающим горнодобывающим центром. Теперь он напоминал разложившийся труп гигантского зверя, в ребрах которого копошились опарыши. «Опарышами» были люди — мародёры, беглые каторжники, сектанты и просто те, кому не хватило места в запечатанных чистых бункерах.

Угрюмый сидел на корточках в тени обвалившегося навеса бывшего склада снаряжения, лениво наблюдая за главной улицей через узкую щель в защитных очках. На нем была поношенная, но идеально чистая штормовка из плотной кордуры. Никаких ярких цветов, никаких лишних ремней. Каждая деталь его экипировки имела только одну функцию — не дать ему сдохнуть.

На противоположной стороне улицы трое местных «падальщиков» в рваных ватниках забивали ногами какого-то бедолагу, выбивая из него остатки чистой питьевой воды. Угрюмый даже не пошевелился. В Нижнем Клине заступничество за незнакомцев котировалось где-то между самоубийством и клиническим идиотизмом.

Его интересовало другое. Его интересовал подвал под старым узлом связи.

Десять минут назад туда заскочила юркая тень в явно чужой, слишком большой курточке. А следом за ней с интервалом в три минуты подтянулись «Псы Хребта» — местная банда, продававшая людей на нижние шахты или разбиравшая чужаков на запчасти.

— Четыре ствола, — прошептал Угрюмый сам себе, пальцем проверяя ход затвора на короткоствольном гладкостволе. — Один на входе, трое внутри. Любители.

Вообще-то он пришел в этот сектор не за спасением душ. Ему нужен был банальный хронометр — старый, механический, без электроники, который не сходит с ума рядом с аномалиями. Но когда твой контракт — выживание, планам свойственно рушиться.

Угрюмый поднялся без единого звука. Его движений не было видно в сумерках — он двигался вдоль стены, как подкрадывается трещина по обледенелому склону.

Зайдя в темный проем подвала, он остановился, давая глазам привыкнуть к полумраку. Из глубины коридора доносился грубый хохот и детский, сорванный до хрипа крик.

— Давай, мелкая, отдавай флешку и цепочку! На кой хрен тебе железо, если кишки наружу выпустят?

— Пошли в жуткую задницу! — раздался звонкий, отчаянный девчоночий голос, за которым последовал звонко разбившийся глухой сопел и выстрел.

Угрюмый вздохнул. Слишком много шума.

Он сделал два шага вперед. Первый «пёс», стоявший на страже у входа в дальнюю комнату, даже не успел повернуть голову — тяжелый армейский ботинок 45-го размера с металлическим носком с хрустом вошел ему прямо в коленную чашечку. Бандит охнул и повалился на бетон, но Угрюмый уже перехватил его за затылок и с силой впечатал лицом в угол кирпичной кладки. Вырублен. Сэкономил патрон.

Второй и третий обернулись на шум, но узкий коридор подвала — это идеальная ловушка для тех, кто не умеет работать в замкнутом пространстве.

Хлопок!

Дробовик в руках Угрюмого рывкнул так, что с потолка сыпанулась сухая штукатурка. Сноп крупной картечи снёс первого нападавшего, отбросив его на ржавый стеллаж. Второй парень попытался вскинуть старый «Калашников», но Угрюмый уже сократил дистанцию. Левой рукой он отвёл ствол автомата вверх, а правой всадил фасонный тактический нож прямо под подбородок противника — ровно по рукоять, снизу вверх, в мозг.

В подвале установилась звонкая, давящая на уши тишина. Пахло пороховыми газами, кровью и вскрытым кишечником.

Угрюмый вытер лезвие ножа о штанину убитого, переломил дробовик, выбросил дымящуюся гильзу и загнал новый патрон.

В углу подвала, забившись между обвалившимися плитами и трупом какого-то давно истлевшего оператора связи, сидела девчонка. На вид ей было лет тринадцать. Лицо измазано сажей и сухой грязью, глаза — огромные, дикие, как у загнанного в угол волчонка. В дрожащей руке она сжимала кусок заточенной арматуры.

— Назад... — прошипела она, пытаясь выставить арматуру вперед. — Подойдешь — глаза выколю!

Угрюмый даже не посмотрел на её оружие. Он окинул её быстрым, профессиональным взглядом опытного спасателя:

«Куртка синти-пух, тонкая, мокрая насквозь. Обувь — старые кеды, пальцы на ногах наверняка уже прихвачены морозом. Общее истощение. Пульс зашкаливает».

— Если ты продолжишь так орать, сожжешь остатки кислорода в легких и отключишься через пару минут, — сухо вато произнес он, опуская ствол. — Вставай.

— Ты... ты кто такой? Они тебя послали? Из Бункера-4? — девчонка не опускала арматуру.

— Я тот, кто только что потратил на тебя один патрон и пять граммов нервов, — ответил Угрюмый, подкрадываясь ближе. Он бесцеремонно схватил её за воротник куртки и вздёрнул на ноги, как нашкодившего кота. — Что на шее? Покажи.

— Не трогай! — она попыталась брыкаться и ударить его локтем, но Угрюмый просто перехватил её руку, зафиксировав сустав.

Он отплёл грязно-серую веревочку на её шее и вытащил из-за пазухи тяжелый металлический жетон. Не армейский. Это был герметичный, армированный накопитель данных с титановым корпусом и гравировкой: *«Проект "Генофонд". Доступ: Уровень 0»*.

Угрюмый на секунду замер. Он знал эту маркировку. В старом мире за такой жетон отдавали миллионы. В этом мире за него выжигали целые поселения.

— Откуда это у тебя? — тихо спросил он, глядя ей прямо в глаза.

— Папа дал... перед тем как их бункер вскрыли, — голосок девчонки впервые дрогнул, и в нем проскользнули слёзы, которые она изо всех сил пыталась подавить. — Он сказал бежать на север. К Хребту. Сказал, там есть Агентство... там есть те, кто сможет прочесть.

— Твой папа был идиотом, — честно резюмировал Угрюмый, отпуская ее воротник. — На Хребте нет никакого Агентства. Там только триста километров мерзлоты, аномальные бураны и твари, которые сърут тебя быстрее, чем ты успеешь пожалеть о своем рождении.

Он повернулся и шагнул к выходу:

— Пойдём.

Девчонка застыла на месте, утирая нос грязным рукавом:

— Куда? Ты же сам сказал, что там ад!

Угрюмый остановился у выхода и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Ад здесь. А там — просто горы. На базе в пяти километрах отсюда сидят торговцы. Я сдам тебя им за два цинка патронов и сухую мембранную куртку. Они отправят тебя с ближайшим защищенным караваном в Нижние Бункеры. Если повезет — выживешь. Не пойдешь сейчас — эти трое, — он кивнул на трупы, — оживут в виде аномальных «жмуrow» через два часа, когда стемнеет. Выбирай.

Девчонка секунду смотрела на него с немой ненавистью, потом сжала кулаки, подхватила свой куций рюкзачок и шагнула за ним в темноту.

— Меня Ника зовут, — буркнула она, догоняя его на лестнице.

— Мне плевать, — отрезал Угрюмый. — Твоё имя на вес патронов не влияет.

ГЛАВА 2. ЦЕНА ПЕРЕХОДА

До Базы-70 они добрались за три часа до рассвета.

Все эти пять километров Ника шла молча, только рвано дышала за спиной и смешно, по-детски шмыгала носом. Угрюмый держал жесткий темп — сорок пять минут хода, пять минут отдыха. Никаких остановок «попить», никаких «я устала». Несколько раз девчонка спотыкалась об обломки бетона и падала в грязь, но тут же подрывалась сама, диким волчонком глядя на спину Угрюмого. Знала: протянет руку — он даже не обернётся.

База-70 размещалась в бывшем тоннеле высокогорного автодорожного противолавинного галерейного типа. Мощные железобетонные своды, массивные гермовороты и пара десятков злых, вооруженных до зубов мужиков внутри. Это было единственное нейтральное место перед подножием Хребта, где можно было купить сухпай, зарядить аккумуляторы и продать то, что удалось вытащить из сдохших низин.

Зайдя внутрь через двойной шлюз, Ника первым делом зажмурилась от яркого света натриевых ламп и зажала нос. В тоннеле густо пахло дизелем, пережаренной тушёнкой, невымытыми телами и сыростью.

— Сидеть здесь. Руки из карманов не вынимать. Ни с кем в разговор не вступать, — отчеканил Угрюмый, усаживая девчонку на деревянный ящик из-под снарядов возле входа.

— А ты куда? — в её голосе впервые проскользнул настоящий страх. Среди этого сброда в кожаных куртках и с автоматами Угрюмый, при всей его сухости, казался единственным островком безопасности.

— Искать Патрона. И оформлять твою тушу.

Патрон — старый контрабандист с проваленным носом и глазами цвета мутного льда — сидел в глубине тоннеля за самодельным столом, перебирая гильзы.

— О, Угрюмый, — гнусаво протянул барыга, оскалив желтые зубы. — Живой. А я слышал, тебя на Малом Расколе аномальная наледь сожрала. Что принёс? Опять железо с радиовышек?

— Товар, — Угрюмый кивнул в сторону входа, где на ящике сжалась Ника. — Чистая. Без мутаций. На шее — накопитель «Генофонд-0». Забирай её в свой ближайший бронированный караван до Нижних Бункеров. С меня — товар, с тебя — два цинка семерки, три комплекта фильтров и сухой спальник.

Патрон прищурился, вытащил из кармана потертый монокуляр и вгляделся в девчонку.

— «Генофонд», говоришь? — барыга медленно отложил гильзу, и его лицо мгновенно потеряло всю наигранную добродушие. — Ты опоздал, Угрюмый. Часа на три опоздал.

Угрюмый слегка сместил центр тяжести, плавно опуская правую руку ближе к бедру:

— О чём ты?

— О том, что полчаса назад на Базу пришёл закрытый канал. От «Чистильщиков» из Центрального Корпуса, — Патрон тихо сплюнул на бетон. — За эту мелкую и её жетон объявлена награда. Такие бабки, Угрюмый, что на них можно купить целый бункер со своей оранжереей. А за тех, кто ей помогает — зачистка. Полная. Без разбора.

В тоннеле внезапно стало очень тихо.

Шум пьяных разговоров у дальних костров затих. Угрюмый боковым зрением засек, как двое охранников Патрона, стоявшие у металлических стеллажей, небрежно опустили руки на затворы своих укороченных автоматов.

— Ты продаёшь её мне, а я сдаю её «Чистильщикам»? — сухо спросил Угрюмый. — Не выйдет, Патрон. Ты знаешь мои правила. Я не работаю с «Чистильщиками».

— Твои правила никого не ебут, старик! — выкрикнул один из охранников, взводя затвор. — Земля ушла, горы сдохли! Сдавай мелкую или ляжешь рядом!

Угрюмый не стал вступать в дискуссию. В выживании тот, кто начинает спорить, умирает первым.

Он не стал вытаскивать дробовик. Вместо этого он левой рукой сорвал с пояса небольшую гранату-Flash — старую, сигнально-шумовую армейскую закрутку, которую припас именно для замкнутых пространств тоннеля, и крутанул чеку.

Щелчок.

— Вспышка! — зарычал Угрюмый, падая на бетон и закрывая голову руками.

БДЫЩ!

В замкнутом бетонированном тоннеле адский звук и полмиллиона кандел света ударили по мозгам присутствующих, как кувалда. Охранники Патрона заверещали, роняя оружие и хватаясь за окровавленные уши. Сам Патрон валился с табурета, безумно шаря руками по столу.

Угрюмый подскочил за долю секунды. Два быстрых, поставленных удара: ботинком в кадык первому охраннику, рукоятью ножа в висок второму. Выхватил из рук оглушенного Патрона его тяжелый револьвер, закинул на плечо разбросанные по столу фильтры и сухпай и рванул к выходу.

— Ника! Подъем! — рывкнул он, хватая оглушенную, испуганную девчонку за воротник и буквально выбивая собой внешнюю гермодверь тоннеля.

Они выскочили на морозный воздух как раз в тот момент, когда со стороны нижнего серпантина дороги показались слепящие прожекторы тяжелых броневиков «Чистильщиков». Гусеницы скрежетали по камням, а над горами разносился сухой, металлический гул их репродукторов:

«Внимание сектору 70. Нарушитель с объектом "Ева" блокирован. При оказании сопротивления — уничтожение всех присутствующих».

— Они... они нас обложили? — задыхаясь, кричала Ника, когда Угрюмый затащил её за массивный валун.

— Тебя обложили, — исправил её Угрюмый, перезаряжая дробовик и проверяя затяжку кошек на ботинках. — А меня просто вынудили изменить маршрут.

— Куда мы?! Дороги вниз больше нет!

Угрюмый поднял голову наверх. Там, в сумерках утреннего тумана, возвышалась черная, нечеловеческая, замороженная до костей стена Мёртвого Хребта. Сверху доносился унылый, жуткий свист аномального ветра.

— Наверх, — коротко сказал он. — Туда эти железяки на своих броневиках не поднимутся. А если пойдут пешком — горы сами их сожрут.

— Но там же... там же никто не выживает! — с ужасом в глазах прошептала девчонка.

Угрюмый повернулся к ней, и его глаза за темными стеклами очков были холоднее, чем лед под их ногами:

— Выживают те, кто слушает команды. Доставай веревку. Мы входим на Хребет 0.

ГЛАВА 3. ТЕПЛО НА ВЫСОТЕ ТРЁХ ТЫСЯЧ

Они ушли от «Чистильщиков» вверх по глухому скальному кулуару.

Броневики преследователей застряли внизу — тяжёлая техника беспомощна перед крутыми осыпями и аномальными перепадами давления. Но Угрюмый знал: за ними обязательно пошлют «высотников» — наёмников, приученных к горам. Вопрос времени, когда они сядут на хвост.

К полуночи температура рухнула до минус двадцати пяти. Ветер на гребне завывал, как голодный волк, выдувая остатки тепла из-под одежды.

Угрюмый нашёл идеальное место для аварийной ночёвки — глубокую скальную нишу, защищенную от прямого ветра гранитным козырьком. Настоящий костёр в Горах Ноль жечь было нельзя: дым и свет — это маркер для врагов и приманка для «затаившихся» тварей.

Вместо этого Угрюмый достал из рюкзака миниатюрную штормовую мультитопливную горелку. Натянул перед входом в нишу маскировочный тент из ветрозащитной ткани, чтобы скрыть отблеск пламени, и зажёл синее, тихо шипящее кольцо огня.

Ника сидела на пустом рюкзаке, поджав ноги к груди, и неудержимо дрожала. Её губы посинели, а руки в дырявых рукавицах спазматически сжимались.

— Сними обувь, — отрезал Угрюмый, доставая из спальника сухое термобельё.

— Чего?.. — пересохшими губами выдавила девчонка.

— Сними ботинки, я кому говорю. Если влажные носки замерзнут на ногах — завтра я буду отрубать тебе пальцы топором. Вперёд.

Ника с трудом расшнуровала мокрые кроссовки. Угрюмый быстро осмотрел её ступни — побелели, но чувствительность ещё была. Он достал разогревающую мазь из аптечки, жёстко, до красноты растирая её пальцы своими огрубевшими, шрамованными ладонями, а затем надел на неё сухие шерстяные носки и сунул её ноги в свой спальник.

Потом набрал в алюминиевую кружку чистого снега, растопил его на горелке и бросил туда горсть сушёных ягод и высококалорийный брикет.

— Пей. Медленно. Мелкими глотками.

Ника обхватила кружку дрожащими пальцами, жадно припала к горячему отвару и закрыла глаза. Тепло медленно возвращало её к жизни.

— Спасибо... — тихо шепнула она в пар, исходящий от кружки.

— Не за что, — Угрюмый в это время проверял натяжение растяжек тента. — Это не забота. Это эксплуатация ресурса. Замёрзнешь — станешь обузой.

Ника молча смотрела, как крошечный язычок синего пламени отбрасывает тёмные тени на его жёсткое, будто высеченное из гранита лицо. В полумраке ниши, под непрерывный гул горного ветра за тентом, атмосфера казалась странно защищенной.

— Угрюмый... — тихо позвала она.

— Чё?

— А почему «Угрюмый»? У тебя же есть нормальное имя?

— В горах имена не нужны. Имена остаются внизу, вместе с документами и глупыми надеждами. Позывной короче, его проще орать в рацию, когда тебя засыпает лавиной.

— А кем ты был... до того, как всё сдохло? До Аномалии?

Угрюмый замер с ножом в руке, которым срезал заусенцы с пластикового карабина. На секунду в его глазах за темными стеклами очков отпечаталась такая глухая, ледяная тоска, что Ника невольно сжалась.

— Я был спасателем, — сухо произнес он, поворачивая кружку в руках. — Инструктором по высокогорной подготовке. Учил дураков, вроде тебя, правильно завязывать узлы и не ходить на Glacier без кошек.

— И у тебя... была семья?

Угрюмый молчал долго. Настолько долго, что за тентом успел трижды измениться свист ветра. Ника уже пожалела, что спросила, но тут он заговорил. Голос его звучал глухо, в такт шипению горелки:

— Была связка. Младший брат. Его завалило на отметке три четыреста, когда пошла первая аномальная «наледь». Пространство просто сдвинулось, понимаешь? Лед стал твёрже титана и холоднее, чем абсолютный ноль. Я держал веревку. Руки сжёг до костей через перчатки. Но вытащить не смог. Пришлось обрезать трос.

Ника сглотнула подступивший к горлу ком:

— Ты... ты сам обрезал?

— Сам, — Угрюмый поднял на неё тяжелый взгляд. — Потому что если бы я не обрезал — через десять секунд с мыса сорвались бы остальные четверо. Правило гор простое, девочка: один погибший лучше, чем пять трупов. С тех пор я не беру в связку тех, за кого могу почувствовать хоть какую-то жалость. Жалость в горах убивает быстрее, чем гипотермия.

Ника посмотрела на свои руки в огромных носках, потом на него:

— Но меня ты не бросил. Ни в подвале, ни на базе.

— Ты — груз, — отрезал Угрюмый, но в его голосе впервые не было прежней злобы. — У тебя на шее жетон, который стоит дороже, чем всё снаряжение в этом секторе. Я просто выполняю доставку.

— Врёшь, — тихо, но твёрдо сказала Ника, утыкаясь носом в край спальника. — Ты просто делаешь вид, что ты из железа. А сам... сам просто боишься снова обрезать веревку.

Угрюмый сжал челюсти так, что желваки заиграли на скулах. Он хотел отрезать что-то резкое, привычно-грубое, но встретил её прямой, абсолютно чистый и недетский взгляд.

Он ничего не ответил. Лишь молча выключил горелку.

Ниша погрузилась в полную тьму, из которой доносилось только рваное дыхание горного ветра и тихое, мерное похрапывание согревающейся девчонки.

Угрюмый сидел у входа, сжимая в руках дробовик, и впервые за много лет не мог уснуть. Слова девчонки застряли у него в голове, как застрявший в кости осколок.

ГЛАВА 4. ЗОНА ВЫСОКОГО ДАВЛЕНИЯ

Утро на Хребте 0 не наступало — оно просачивалось сквозь грязный, серо-цинковый туман.

Когда Угрюмый разбудил Нику, термометр у входа в нишу показывал минус тридцать один. Воздух стал настолько плотным и сухим, что каждый вдох отзывался в груди острой, бритвенной болью.

— Надень очки, — Угрюмый бросил ей запасные «слепыши» с тёмно-янтарными линзами. — Если не хочешь через полчаса ловить аномальную «сварку». Ультрафиолет здесь выжигает сетчатку за десять минут.

Ника молча натянула очки, затянула капюшон и встала на ноги. Её движения стали собраннее. Она больше не ныла, не задавала глупых вопросов. Вчерашний разговор у горелки поджег в ней какой-то внутренний стержень: она видела, что Угрюмый не просто машина, а значит — у них есть шанс.

— Мы входим в зону «Бритвы», — Угрюмый проверял натяжение страховочной обвязки, соединявшей их десятиметровым динамическим тросом. — С этого момента — полная тишина. Звук в этом кулуаре резонирует и может спровоцировать сброс наста. Если я поднимаю кулак — ты мгновенно падаешь на живот и вбиваешь клюв ледоруба в фирн. Поняла?

Ника коротко кивнула, сжав обрезиненную рукоять старого горного инструмента.

Они вышли на открытый гребень.

Здесь мир изменился окончательно. Горы вокруг выглядели так, будто их исказила кисть сумасшедшего художника: скальные пики срезались идеально ровными, зеркальными пластами — следствие прошлых пространственных сдвигов. В воздухе висела мелкая, искрящаяся в свете холодного солнца ледяная пыль.

Но самое страшное было не в холоде. Снизу, из тумана, донёлся отчетливый, металлический стрекот.

Угрюмый замер, моментально припав к скале. Ника упала рядом, стараясь не дышать.

Через оптику он разглядел их. «Высотники» — элитная штурмовая группа «Чистильщиков». Четверо профессионалов в белых экзo-костюмах с дыхательными аппаратами за спиной. Они шли по их следам с помощью тепловизоров и ультразвуковых сканеров. Быстро, слаженно, без суеты.

— Они не отстанут, — прошептал Угрюмый сам себе. — У них кислородный запас и активные кошки на сервоприводах.

— Что делать? — тихо спросила Ника. В её голосе не было паники — только сухой, спрессованный страх.

— Заманить их на «Наледь», — глаза Угрюмого под янтарными линзами сузились. — Пойдём через Зеркальный Кулуар.

— Но ты же сам говорил вчера, что оттуда никто не возвращался!

— Оттуда не возвращаются те, кто не умеет считать секунды, — отрезал он. — Иди за мной. Шаг в шаг. Наступишь на синий лёд — соришь от холода за пять секунд.

Зеркальный Кулуар встречал жуткой, вибрирующей тишиной. Здесь лёд имел странный, глубокий ультрамариновый оттенок. Это была не просто замерзшая вода — это была Аномалия. Зона абсолютной гипотермии. Любая органика, попавшая на синий лёд, отдавала всё своё тепло за доли секунды, превращаясь в хрупкое стекло.

Угрюмый двигался с хирургической точностью. Он использовал только узкие полосы серых скал, торчащие из-под синего монолита.

— Выше стопы. Не касайся льда носком! — передавал он по тросу.

Когда они миновали середину кулуара, на противоположном краю скалы показались фигуры преследователей.

— Вижу цель! — донёсся сквозь треск раций искаженный гарнитурой голос командира «высотников». — Применить замораживающие сети! Живыми или мёртвыми, забрать жетон!

— Угрюмый, они сейчас выстрелят! — Ника сжалась у скалы.

— Не выстрелят, — Угрюмый вытащил из запячного кармана тяжелый, стальной анкерный крюк на стальном тросике и подмигнул девчонке. — В горах главный закон — не шуметь.

Он с размаху вогнал крюк в аномальную синюю наледь прямо над головами наступавших «высотников».

ТРЕСК!

По Зеркальному Кулуару пронеслась звуковая волна, похожая на звон лопнувшей струны гигантского контрабаса. Синий лёд мгновенно отреагировал на механический удар. По монолиту побежала паутина ярко-голубых молний — температурный шок.

— Назад! Наза... — успел крикнуть командир преследователей, но было поздно.

Аномальная наледь «взорвалась» в обратную сторону. Не пламенем, а волной абсолютного холода. За долю секунды двоих «высотников» вместе с их экзо-костюмами и автоматами накрыло синим инеем. Наёмники даже не успели упасть — они превратились в замёрзшие, хрустальные статуи прямо на ходу, а их оружие рассыпалось на мелкие крошки под собственным весом.

Двое оставшихся в ужасе рванули назад, вниз по склону, забыв про контракт и награду.

Угрюмый не стал смотреть на результат. Он схватил Нику за обвязку и буквально втащил её на верхний гребень, подальше от резонирующего кулуара.

Оба выскочили на плоский, продуваемый всеми ветрами скальный пятак и повалились на снег, судорожно глотая ледяной воздух.

Ника лежала на спине, глядя в серое небо, и её грудь вздымалась от рваного дыхания. Потом она повернула голову к Угрюмому и неожиданно... хрипло хохотнула.

— Ты... ты видел их лица?! Они... они же нахрен замерзли!

Угрюмый сидел, отстёгивая карабины, и смотрел на неё с суровым прищуром. Но в глубине его глаз промелькнула искренняя, скупая уважуха. Девчонка не сломалась. После всего этого ада она не забилась в истерику, а выдала чистый адреналиновый драйв.

— Смейся-смейся, — буркнул он, но без прежней ядовитости, протягивая ей флягу. — Впереди Мёртвый Пик. Там таких «фокусов» будет на каждом шагу по три штуки.

— Справимся, — Ника сделала глоток и посмотрела ему прямо в глаза, стирая иней с щеки. — С тобой, хмурый дед, точно справимся.

Угрюмый едва заметно качнул головой:

— Вставай, «трактор». Нам ещё до ночи надо пройти Пасс Дьявола. Там, говорят, твои Бункерные технологи запечатали главный вход. Посмотрим, стоит ли твоя флешка того, чтобы из-за неё умирать.

ГЛАВА 5. ЭХО НА ПАССЕ ДЬЯВОЛА

Пасс Дьявола встретил их не метелью, а мёртвым, звенящим штилем.

И именно этот штиль пугал Угрюмого больше любого шторма. В Горах Ноль отсутствие ветра на высоте трёх с половиной тысяч метров означало только одно — аномальное давление просело, и граница между реальностью и фантомами истончилась до предела.

Они шли по узкому скальному карнизу. Внизу — полтора километра глухой, туманной бездны. Вверху — монолитные, иссиня-черные утесы, испещрённые странными, словно оплавленными трещинами.

— Угрюмый... — тихо позвала Ника. Голос её звучал странно, словно из-под воды. — Ты слышишь?

— Не слушай, — жестко отрезал он, не сбавляя шага. — Заткни уши. Вставь вкладыши из аптечки и затяни капюшон. На этом перевале скалы «говорят».

— Но там... там мамин голос.

Угрюмый мгновенно остановился, развернулся и с силой встряхнул девчонку за плечи.

— Слушай меня сюда, мелкая! — зарычал он ей прямо в лицо. За янтарными линзами его очков полыхал суровый, ледяной огонь. — Твоя мать сдохла в Нижних Бункерах три года назад! Здесь нет твоей матери. Это акустическая аномалия. «Голос Хребта». Он берет твои воспоминания из твоих же страхов и заставляет тебя шагнуть с карниза. Посмотри на меня!

Ника тяжело, с хрипом дышала, глядя на него. Её зрачки были расширены от ужаса, а пальцы спазматически сжимали страховочный трос.

— Смотрю... — выдохнула она, сглатывая подступившую тошноту.

— Говори со мной! — рявкнул Угрюмый, заставляя её мозг зацепиться за реальность. — Считай шаги! Подавай сигналы! Какое главное правило на высоте?!

— Не... не верить глазам и ушам, — сорванным голосом прошептала девчонка, изо всех сил зажмурившись, чтобы вытряхнуть из головы ласковый, родной шепот, звавший её из пропасти. — Верить... верить только веревке и напарнику.

— Молодец, — Угрюмый выдохнул густой пар и ослабил хватку. — А теперь вставь глушители в уши и иди за мной. Если увидишь, что я застрял или дернулся — бей меня ледорубом по шлему. Без предупреждения. Поняла?

Ника кивнула, заталкивая в уши поролоновые беруши. Звуки мира мгновенно глухо сжались до сухого стука собственного сердца и хруста кошек по камню.

Они миновали сразу через двадцать минут.

За поворотом скального массива акустическая ловушка пропала, и перед ними открылась седловина перевала. А в самом её центре, вклинившись в толщу древнего ледника, возвышалось рукотворное сооружение.

Это был Вход.

Массивный, полусферический бункер из темного, титано-бетонного сплава, поросший аномальным черным инеем. На вершине купола все еще горел одинокий, тусклый тумблер аварийного маяка — красный глаз, пробивавший туман. Над бронированными гермоворотами сохранилась четкая гравировка:

****«ОБЪЕКТ 102. МИНИСТЕРСТВО ЧЕС. ХРАНИЛИЩЕ ГЕНОФОНДА. ДОСТУП ТОЛЬКО ДЛЯ СПЕЦКОНТИНГЕНТА»**.**

— Пришли... — выдохнула Ника, вынимая беруши. — Мы приш...

— Назад! — Угрюмый сбил её с ног, падая сверху и закрывая собой.

ТАК-ТАК-ТАК-ТАК!

Смятая пулеметная очередь ударила по камням в полуметре от них, выбивая снопы искр и каменную крошку.

Угрюмый перекатился за массивный валун, сдергивая с плеча дробовик.

На крыше бункера, возле аварийного маяка, стояла автоматическая турель с радиолокационным наведением. Старая военная система охраны, ожившая от их движения. Ее спаренный пулемет жадно искал цели, сканируя пространство красным лучом дальномера.

— Автоматика! — зарычал Угрюмый. — Датчики движения и тепла! Ей плевать, кто мы — "Чистильщики" или выжившие, она срежет всё, что дышит!

— Угрюмый, у меня жетон! — закричала Ника, лепившись к скале. — Папа говорил, что жетон — это ключ!

— Этот ключ надо вставить в считыватель у самой двери! — отозвался он, глядя, как турель со скрежетом поворачивает ствол в их сторону. — До двери тридцать метров открытого льда. Под таким огнем мы не пройдем и пяти!

— Тогда что делать?!

Угрюмый быстро оглядел окрестности. По левому краю проходил старый, полуразрушенный кабельный коллектор — узкая металлическая кишка, идущая от скалы прямо к стене бункера.

— Проползешь по коробу, — отчеканил он, встречая ее взгляд. — Он узкий, турель туда не достанет. Доберешься до панели, вставишь жетон и вдавишь аварийный сброс.

— А ты?!

— А я создам этой железке проблему, — Угрюмый вытащил из запячного чехла последнюю дымовую шашку и факел высокой интенсивности. — У нее инфракрасный оптрон. Я дам ей столько тепла, что у нее снесет мозги на пять секунд. Твой выход — как только рванет дым. Пошла!

Ника не стала спорить. В ее глазах больше не было страха — только собранная, жесткая злость выжившего. Она скинула громоздкий рюкзак, оставив только обвязку и жетон на шее, и по-пластунски рванула к ржавому коробу коллектора.

Угрюмый досчитал до трех, сдернул чеку с факела и выскочил из-за валуна.

— Эй, сука мексиканская! — взревел он, швыряя яркий, слепящий факел прямо перед обводом турели. — Сожри вот это!

Турель мгновенно переключила внимание на гигантский источник тепла, разворачивая стволы и поливая свинцом огненную вспышку.

В этот же момент Ника юркнула в металлический короб.

ГЛАВА 6. КОД ДОСТУПА

Металлический короб коллектора отзывался на каждый выстрел турели вибрирующим гулом. Ника ползла по-пластунски, раздирая локти и колени о ржавые стыки, но даже не замечала боли. В голове стучала только одна мысль: *успеть, пока Угрюмый держит огонь*.

Выскочив из обрушенного конца трубы прямо у подножия гермодвери, она оказалась в мёртвой зоне пулемёта.

Перед ней возвышался массивный титановый монолит. На уровне груди под толстым защитным стеклом мигала красная панель считывателя.

— Чёрт... чёрт! — задыхаясь, прошипела Ника. Она сорвала с шеи жетон, но пазы считывателя были забиты наледью и аномальной пылью.

Тем временем у валуна ситуация становилась смертельной.

Штормовой факел, брошенный Угрюмым, прогорел и начал угасать. Сенсоры турели, потеряв ложную цель, со скрежетом перенастраивались. Тяжелый спаренный ствол начал разворачиваться в сторону короба коллектора, где застряла девчонка.

— Ах ты тварь железная... — сквозь зубы зарычал Угрюмый.

Он не стал прятаться. Выскочив из-за валуна, он вскинул дробовик и с пяти метров всадил два тяжелых калиберных патрона прямо в оптический блок турели.

БАМ! БАМ!

Сноп искр, треск разбитого линзового блока, турель на секунду потеряла ориентацию, но её механический привод уже завершал разворот. Пулеметная очередь прошла по ноге Угрюмого — тяжелая пуля на вылете вырвала кусок мембраны и обожгла бедро болью, от которой в глазах потемнело.

Угрюмый рухнул на колено в окровавленный снег, но успел вскинуть ледоруб и с силой вклинить его клюв прямо в поворотный шестеренчатый механизм турели. Сервопривод взвыл, заклинив, и пулемет замер, уткнувшись стволами в небо.

— Ника! Жми, сука, жми! — взревел Угрюмый, утирая кровь с лица.

У гермодвери Ника изо всех сил вогнала острый конец ледоруба в щель панели, выламывая защитное стекло. Выдрала наледь пальцами в кровь и до упора вогнала титановый жетон в разъем.

Панель на секунду замерла. Красный свет сменился глубоким, пульсирующим зелёным.

«Идентификация успешна. Проект "Генофонд". Приветствуем, оператор. Снятие блокировки объекта 102».

Со скрежетом, от которого задрожала скала под ногами, многотонная гермодверь отошла назад и медленно поползла в сторону, обрывая пласты многолетнего льда. Из темноты открывшегося шлюза вырвался поток сухого, чистого, консервированного воздуха — без гари, без радиации и без гнили низин.

Ника рванула к Угрюмому, подхватила его под руку и на себе потащила через порог бункера.

Как только они пересекли линию шлюза, Ника ударила кулаком по огромной красной клавише аварийной герметизации. Гермодверь с тяжелым гулом рухнула на место, отрезав их от холода, ветра и аномалий Хребта.

В шлюзе установилась звенящая тишина. Сработали аварийные лампы, залив всё помещение мягким янтарным светом.

Угрюмый тяжело сполз по стене на бетонный пол, зажимая раненное бедро. Дыхание его было рваным, а лицо — смертельно бледным.

— Ты... ты как? — Ника упала перед ним на колени, судорожно расстегивая аптечку.

— Нога цела, пуля по касательной прошла, — с трудом выдавил Угрюмый, морщась от боли, пока она накладывала давящую повязку. — Учишься на ходу, «трактор». Быстро сработала.

Ника огляделась. За шлюзом тянулся длинный, стерильно чистый коридор. Вдоль стен стояли серверные стойки, запечатанные контейнеры анабиоза и автономные узлы жизнеобеспечения. Это был не просто бункер — это была база, способная поддерживать жизнь и автономно работать десятилетиями.

Но главное было в другом.

В конце коридора на большом главном терминале горела надпись:

«Связь с глубоким хранилищем "Север-4": Активна. Генофонд сохранен. Готовность к регенерации экосистемы: 100%».

Ника замерла, глядя на экран. В ее глазах блеснули слезы, но на этот раз — от неверующей радости.

— Папа не соврал... — прошептала она. — Всё правда. Мы дошли.

Угрюмый откинул голову на холодную стену, достал из кармана потертый блокнот — свой «Каталог дураков» — и карандаш. Задумывался на секунду... а потом просто зачеркнул последнюю страницу и сунул блокнот обратно в карман.

— Дошли, — тихо сказал он, впервые за всю дорогу позволив себе едва заметную, сухую ухмылку. — Теперь у тебя есть дом, мелкая. А у этого сдохшего мира — шанс не быть просто кучей мусора.

Ника села рядом с ним на холодный бетон, прижала голову к его плечу и закрыла глаза. Впервые за долгие годы они оба были в тепле.